

Тредиаковский Василий Кириллович

Сочинения Тредьяковского

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
В19

В19 **Василий Кириллович Т.**
Сочинения Тредьяковского / Тредиаковский Василий Кириллович – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 806 с.

ISBN 978-5-519-77391-1

ISBN 978-5-519-77391-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Въ самомъ началѣ спихъ моихъ трудовъ предлагается вамъ, благосклонный Читатель, Наука о Стихотвореніи и Поэзіи, сочиненная отъ Боало-Депредъ, Французскаго славнаго Сатірика. Послѣ Гораціевы Эпістолы о тойже матеріи къ Пізонамъ, Римскимъ знатымъ особамъ, сія Депредова почитается искусными за верьхъ совершенства въ семъ родѣ. И поистинѣ, все что ни сочинялъ Боало, есть исправное и удивительное; но Наука его Піптіческая, кажется, предъ всѣмъ находится превосходная, какъ въ рассужденіи состава Стиховъ, и чистоты языка, такъ и въ рассужденіи порядка, и правилъ въ ней предлагаемыхъ. Съ другой стороны, ей и не быть совершенною невозможно: почерпнута она изъ самаго чистаго источника, а именно, изъ помянутыя Флакковы Эпістолы. Въ сей взялъ мой Авторъ не токмо плапъ, но и по са-

мой большой части изображенія; а правила всѣ безъ изъятія: сямъ токмо отличается послѣдній отъ перваго, что переднее Римское иногда есть заднее Французское, и что пространнѣйшее во Французскомъ, чтется на нѣкоторыхъ мѣстахъ сокращеннѣйшее въ Латинскомъ писателѣ, и вопреки. Впрочемъ, коль Подлинникъ есть неподражаемымъ, толь и Списокъ: Оба изъ сочинителей на своемъ языкѣ Авторы, хотя и обонимъ былъ преднѣйшій предводитель, Латинскому Греческій Арістотель въ Наставленіяхъ своихъ о Поэзіи, а Французскому Латинскій Горацій; и потому оба велики, что у обонихъ были предъ очами образцы всесовершенными въ томъ.

Чтожъ до меня, Французскую Боалд-Депредву Науку, какъ большей части читателей извѣснѣйшую, составилъ и я нашими Стіхами; а для показанія всѣмъ, что Боалд-Депред все-на-все взялъ изъ Гораціевы, не оставилъ я и сея, и положилъ ея послѣ, но токмо Прозою. Довольно Стіховъ для чтенія и въ четырехъ Пѣсняхъ Боаловыхъ: но въ различіе тояжъ самыя матеріи, рассудилъ я, что одно, которое нибудь изъ сихъ сочиненій, лучше представить Прозою. Паль жребій судомъ моимъ, чтобъ Гораціевой Эпістола быть свободнымъ, а Боаловой Наукѣ заключеннымъ словомъ, и предшествовать. Причина сему, не убѣжаніе отъ трудности, коя въ обоемъ случаѣ велика, но токмо мое произволеніе: могла и Гораціева также быть составлена Стіхами; могли и обѣ предложиться Прозою. Одна-

ко мнѣ показалось пристойнѣе, чтобъ одно предъизъявляло важность токмо правилъ въ подтвержденіе ихъ въ другомъ; а сіе другое, представляя прежде тужъ самую твердость, услаждалобъ притомъ и мѣрою и Риемою, и чрезъ тобъ больше предуготовило разумъ къ внятію ихъ въ послѣднемъ: итакъ, другое сіе преимущество присудилъ я Боалд-Деспреду Сочиненію. Сего главнымъ раздѣлы различилъ я между собою не одними пространнѣйшими пробѣлами, но еще и Стопою Стіха Гексаметра: ибо, первую Пѣснь воспѣвъ Іамбіческимъ Стіхомъ, вторую пою Хореическимъ; равнымъ образомъ и третію съ четвертою Пѣснію по премѣнамъ. Не оставляю вамъ донести, благосклонный Читатель, и сіе, что каждый Боалдовъ Стіхъ, изображается каждымъ же моимъ однимъ; такъ что, сколько у Боалд во всякой Пѣснѣ, и во всѣхъ четырехъ Стіховъ, столькожъ и у меня во всемъ томъ составѣ: сіе подлинно весьма трудно, но силъ человѣческихъ не выше.

Какъ то ни есть; токмо признаваю съ болѣзнію сердца, что сіе самое донесенное теперь вамъ, благосклонный Читатель, которое казалось бы долженствовавшимъ приносить мнѣ честь за подъятіе труда, и за обогащеніе нашего языка тѣмъ, чему у насъ давно быть надлежало, и еще при самомъ начатіи словесныхъ красныхъ Наукъ, напротивъ того, скорѣе можетъ обратиться въ причину укоризны и похуленія. Различныхъ пристрастій языки не пре-

минуть, можетъ быть, разглашать слѣдующее: 1) «Возможноль статья, чтобъ переводныи Стіхи съ Стіховъ могли быть столькожъ хороши, сколько подлинныи, длятого что и Прозаическій переводъ терлетъ много силы и красоты предъ подлинникомъ, не то что Стіхи? 2.) Да какъ сему Питіическому переводу быть притомъ и хорошему, потому что Трудившіися употребилъ тутже Хореическій Гексаметръ, который токмо въѣженъ, а не одинъ Іамбическій, кой есть въсокъ и благороденъ.»

Весь сей вопль, кто услышитъ издали, тому онъ можетъ либо послышаться основательнымъ; но приложившаго ближе къ нему свои слухи, едваль онъ въ состояніи обольстивъ оглушить: онъ ни пошлыя не имѣетъ тверлости. Чтожъ бы сіе вамъ, благосклонный Читатель, изъяснить; то прошу васъ, не поскучить читая слѣдующее:

Да твердятъ стремящіися, что переводныи Стіхи съ Стіховъ не могутъ быть хорошими: но и да знаютъ, что сіе произглашаемое вообще, и безъ всякаго изъятія, есть не весьма столько праведно, сколько думается. Такая неправда изобличается многими обрасцами. Извѣсны Аратовы Фенѡмены, сочиненныи Греческими Стіхами. Сіи всѣ переведены на Латінскіи языкъ Стіхамижъ отъ Цицерона. Перевода сего видимъ мы многіи Отрывки въ егужъ Цицероновыхъ книгахъ, названыхъ объ естествѣ боговъ. Каковъ же видимъ сей переводъ? Пускай прочтеться токмо оный Отрывокъ, который начинается,

Е quibus hunc subter possit cognoscere fultum,
 и въ коемъ находится 475 Стіховъ, то есть, до-
 вольно для чувствованія сладости, и на усмот-
 рѣніе великолѣпія въ переводѣ: но я не знаю,
 могъ ли быть толь изряденъ сáмый Подлин-
 никъ Аратовъ, коль Переводъ Цицероновъ. Те-
 ренцій Латинскій Комическій Піитъ кому невѣ-
 домъ, за неподражаемое свое искусство въ изо-
 браженіи нравовъ, за точное слѣдованіе есте-
 ству, за пеухищреннюю простоту, за красную и
 нѣжную чистоту языка, и словомъ за все, такъ
 что никто къ нему ближе подойти, и съ нимъ
 сверстаться не могъ въ Римѣ? Одна изъ его
 Комедій, названная *Евнухъ*, въ тотже сáмый
 день дважды была представлена, поутру и вве-
 черу, чего еще по то время тамъ отнюдъ ни-
 когда не бывало. Но Теренцій всѣ свои Ко-
 медіи перевелъ Стіхами съ Греческихъ Менандро-
 выхъ. Цицеронъ объ немъ говоритъ, въ нѣко-
 торой изъ своихъ Поэзій, проименованной ⁽¹⁾
Лузі слѣдующее: ⁽²⁾ «И ты также Теренцій, ко-
 «его Стіль есть толь исправенъ, и толь испол-
 «ненъ сладости, ты намъ переводишь и совер-
 «шенно выражаешь Менандра, да и даешь ему
 «говорить съ несравненною сладостію Римскимъ

(1) Λετμον.

(2) Tu quoque, tu solus lecto sermone, Terenti,
 Conuersum expressumque latina voce Menandrum,
 In medio Populi sedatis vocibus effers,
 Quidquid come loquens, atque omnia dulcia linquens.

«языкомъ, пзбирая все, что есть самое нѣжное и сладкое.» Подлинно, всѣ искусныи утверждають, что Теренцій изъ Переводчика съ Греческихъ Стіховъ, здѣлался Подлинникомъ въ своихъ Латінскихъ! Кто скажетъ, говоря о новѣйшихъ съ Стіховъ Переводчикахъ, что Францусскіи Стіхи съ Аглінскихъ Пѣповыхъ о нравственной Матеріи худы? Я не умѣю по Аглінски: но читая Францусскій переводъ, чувствую, какъ и многіи другіи чптатели, всю сладость и твердость Подлинника: а сіе самое и показываетъ достоинство Перевода. И хотя исправность Переводажъ, здѣланнаго Португалскимъ Графомъ Эріцейрою сей самой Боаловой Наукѣ, которую я нынѣ перевелъ по нашему, намъ почитай всѣмъ пензѣсна; однако самъ Авторъ чрезвычайно похвалетъ оный въ письмѣ къ помлнутому Графу: того ради, должны мы повѣрить такому Свидѣтелю, и Эріцейринъ переводъ Стіхамижъ положить достойнымъ и Автора и Переводчика. Можно впрочемъ многихъ превосходныхъ привести изъ новыхъ Переводчиковъ съ Стіховъ Стіхами; можно и о Сегреѣ утвердить, что онъ Латінскую Энеиду перевелъ Францусскими Стіхами презрѣдно. Корнелій премного переводилъ съ Латінскихъ: Расинъ еще и больше съ Греческихъ и съ Латінскихъ; что самое дѣлали и другіи изъ Французовъ. Самъ Боалд-Депредъ въ томъ числѣ изъ первыхъ. Но всѣ они то здѣлали, и нынѣ другіи подобно дѣ-

лаютъ, съ довольною, и еще съ великою похвалою.

О Прозаическомъ переводѣ съ Прозы, я уже и упоминать боюсь: задавить меня неисчетный полкъ достойныхъ и великихъ Переводчиковъ, тѣсясь предстать ко мнѣ, какъ хотящему ихъ по пшенамъ перекликать. Того ради, не упоминаю объ Абланкурѣ переведшемъ Минуція-Феликса, Тацита, четыре Цицеронова слова, Луциана, Отшествіе десяти тысячъ Грековъ изъ Ксенофонта, Арріана объ Александровой войнѣ, Извѣстія Цесаревы, Туцидіда, Греческую Ксенофонову Исторію, Апостегмы древнихъ, Стратегмы Фронтіновы, и прочая. Не говорю объ Амслотѣ дела Гуссеѣ; о Лудовикѣ Жиріѣ; о самѣмъ Депредѣ преложившемъ съ Греческаго Лонгина о высотѣ мыслей и слога. Умолчаваю также о Дасісрахѣ, мужѣ и женѣ, претолковавшихъ съ Греческаго Плутарховыхъ славныхъ Мужей, и Гомера; съ Латінскаго, Горація, и частію Плавта. Не привожу Аббата Бленжера, здѣлавшаго съ Аглінскаго переводъ житіямъ, Энесву, Туллову-Гостіліеву, Арістоменову, Тарквініеву кой старшій, Юніеву-Брутову, Гелонуву, Кірову, и Язонову. Не воспоминаю и о Ліміерѣ, переведшемъ Плавтовы Комедіи, а нѣкоторые и Стихами; также и объ Іезуитѣ Санадонѣ всѣ дѣла Гораціевы; ни притомъ еще о премногѣмъ множествѣ, и почитай неисчислимомъ, а о всѣхъ совершенныхъ и достохвалныхъ. Одного съ меня довольно Вожласа, ко-

торый одинъ между толь многими свѣтилами на подобіе солнца; а перевелъ онъ на свой языкъ Квінта-Курція о дѣлахъ содѣянныхъ Александромъ великимъ. Но какъ? такъ, что и доднесъ въ сомнѣніи находится дѣло между искусными людьми, лучшемъ Курціи Латінскіи Францускаго Вожласова, или Вожласовъ Францускій лучше Курція Латінскаго: тоестъ, не могутъ прямо опредѣлить, Подлинникъ ли совершеннѣе Перевода, или Переводъ Подлинника. Правда, я сію похвалу Вожласу всегда почиталъ и почитаю за пребезмѣрную, для того, что вижу въ ней чрезвычайное и самохвальное пристрастіе народа къ своему одноземцу. Роллень одинъ изъ всего того народа назвалъ справедливѣе, для того, что воздержнѣе, Переводъ Вожласовъ презрѣлымъ только: сіе случилось ему здѣлать при концѣ вступленія въ шестый Томъ древнія своєї Історіи, который и самъ по большой части былъ во всей той Історіи токмо презрѣмый же Переводчикъ то съ Греческаго, то съ Латінскаго, а часто еще и Копістъ съ Францускаго по Францускижъ. Какъ то ни есть; токможъ сіе непреодолемо доказываетъ, что Вожласовъ переводъ есть превосходный, что тмы находятся Переводчиковъ Прозаическихъ съ Прозы сѣмыхъ добрыхъ, исправныхъ, и такихъ, которыхъ переводъ не токмо не теряетъ ничего силы и красоты предъ Подлинникомъ, но еще иногда нѣсколько ихъ Подлиннику придаетъ, а иногда и равняется съ высотой онаго, и что

доводъ *отъ меньшаго*, какъ вазываютъ, къ *большему*, (тоестъ, поспеже переводъ Прозы много бываетъ иже подлинника, то колыи паче переводъ съ Стиховъ Стихамижъ) есть не весьма основателенъ, чтобъ не сказать больше и справедливе.

Я за потребно рассуждаю предложить здѣсь теперь главнѣйшіи *критеріи*, тоестъ сложныи знаки добраго Перевода Стихамъ съ Стиховъ. И вопервыхъ надобно, чтобъ Переводчикъ изобразилъ весь разумъ содержащійся въ каждомъ Стихѣ: чтобъ не опустилъ силы находящіяся въ каждомъ же: чтобъ тожъ самое далъ движеніе переводному своему, какое и въ подлинномъ: чтобъ сочинилъ оныи въ подобной же ясности и способности: чтобъ слова были свойственны мыслямъ; чтобъ они не-были Барбарісмомъ опорочены; чтобъ Грамматическое сочиненіе было исправное, безъ Солецісмовъ, и какъ между Идеями, такъ и между словами безъ прекословіи; чтобъ на конецъ составъ Стиха во всемъ былъ правиленъ, такъ называемыхъ Затычекъ, или пустыхъ бы добавокъ не-было; гладкость бы вездѣ была; вольностей бы мало было, ежели невозможно безъ нихъ обойтись; и сколько возможно чащебъ богатая Ріема звенѣла полубогатыя, безъ напмалѣйшаго поврежденія смысла; и ежели находятся еще какіи поспѣшествующи добротѣ перевода. Впрочемъ, къ сему не всеконечно требуется, чтобъ въ Переводѣ быть тѣмже самымъ словамъ, и столькимъ же: сіе много-

кратно, и почти всегда, есть выше человѣческихъ силъ: но чтобъ были токмо равномѣрныя, и конечно съ тѣми точно самыми Идеями.

Итакъ, ежели кому дадутся перевести слѣдующія наримѣръ Волтеровы Стіхи изъ его Метропы.

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,
La vie est un opprobre, la mort est un devoir.

а тотъ ихъ и переведетъ свмъ образомъ:

Когда погибло все, когда надежды нѣтъ,
Ужé поносна жизньъ, оставить должно слѣтъ:

то возможноль безъ несправедливости сказать, что сей Переводъ худъ? Онъ такъ исправенъ, какъ всякому искусному видимо, что почитай тѣмъжъ самыми состоитъ словами, не то чтобъ въ немъ быть какому прекословію. Или также, буде дастся сему Переводчику перевести сей Го-раціевъ Стішокъ изъ несравненныхъ его третіея Оды, книги третіеяжъ:

Iustum et tenacem propositi virum,

такъ, чтобъ переводу быть Гексаметрами, въ двухъ Стіхахъ, и содержать бы цѣлый разумъ, тоестъ, чтобъ сей Стіхъ изображалъ слѣдующій смыслъ, *Мужъ правосудный, есть непоколебимъ въ намъреніи своемъ*, (какъ то и праведно, для того что твердое стояніе въ своемъ чемъ нибудь безъ справедливости, есть упрямство, а не постоянство) а тотъ и переведетъ его такъ: